АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тредьяковский весьма быстро справился с заданием, и толстый фолиант уже в 1737 г. вышел в свет [31].

Перевод книги Марсильи снабжен примечаниями (автор которых неизвестен); в них разъясняется ряд восточных терминов: заим, зиамет, тимар, тимариот и др.

В 1738 г. Академией наук был издан перевод с французского языка работы неизвестного автора под названием «Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 годах при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета V», повествующей о восстании Патрона Халила. Перевод был выполнен, очевидно, также Тредьяковским. В 1741 г. была выпущена на русском языке книга польского ученого Рикота «Монархия Турецкая».

Путешествия на Ближний Восток. В изучении Ближнего Востока в России, в ознакомлении русского общества с ближневосточными странами на протяжении нескольких сотен лет, как известно, большую роль играли записки путешественников и паломников.

Одним из последних по времени «хождений» были странствования во второй четверти XVIII в. Василия Григоровича-Барского (1701—1747).

Василий Григорович-Барский (Плака-Альбов), уроженец Киева, монах Антиохийский [32], большую часть своей жизни провел в путешествиях по Востоку, продолжавшихся почти четверть века (1723—1747). Барский обучался в Киевской академии, но не окончил ее. В 1723 г. выехал во Львов с целью лечения и до 1747 г. не возвращался на Родину. В 1724 г. Барский посетил ряд городов Италии, а в марте 1725 г. вступил в пределы Османской империи.

Он побывал в Солуне (Салониках), Афоне, Яффе, Иерусалиме, Синае, на Кипре; обошел почти всю Палестину. Пять лет прожил в Триполи в качестве преподавателя в греческом православном училище. В Антиохии он принял монашество. Во время русско-турецкой войны, в августе 1736 г., Барский выехал на Патмос. Здесь он в 1738 г. познакомился с Константином Политанским, своим земляком, настоятелем церкви при

[31] Русское название: «Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Маосильли члена Парижския Королевския Академии наук и Монпельерския. Также Лондонскаго королевскаго социэтета и основателя Болонскаго института», ч. I, СПб., 1737.

[32] Путешественник называл себя то Григоровичем, то Барским, по городу Бару, местожительству предков, то Плакой или Альбовым — перевод на греческий и латинский фамилии Беляев (см.: «Словарь исторической о бывших в России писателях духовного чина», СПб., 1818).

русском посольстве в Константинополе[33]. Благодаря этому знакомству о Барском узнали в русском посольстве. В 1743 г. Барский получил письмо от русского резидента в Константинополе А. А. Вешнякова, вызвавшего его к себе. Вешняков писал: «По писмам вашим к бывшему Константину Неаполитанскому, от нинешниго моего капеляна я радостно уведомлен, что ваша честность в острове Патмском по особливому вашему желанию к достойнейшим вашей ползы и славы отечества наукам бытность свою продолжаете, и имеете намерение оттуда нине назад возвратится».

Направляя Григоровичу паспорт и фирман на проезд, Вешняков указывал: «По получении которых имеете сюда в Константинополь безпрепятственно и немедленно, вследствие высочайших Ея Императорского Величества указов, понеже здесь в персоне вашей особливо не без нужды есть, неотложно возвратится, и по приезде своем в имеющимся в Пере Императорском резидующем Российском дворце нам явится» [34]. С Патмоса Барский выехал в сентябре1743 г. и в декабре прибыл в Константинополь, посетив по пути Эфес и Сакиз, где прожил около 40 дней, «ради приобретения требуемих себе книг и инных ради нужд» [35].

Прожив около полугода в Константинополе без определенных обязанностей, Григорович-Барский имел возможность хорошо ознакомиться с городом. В 1744 г. он вторично отправил-

---

[33] Константин Политанский (Неаполитанский) был священником посольской церкви. В 1735 г. вместе с И. И. Неплюевым он выехал в Россию. По дороге Политанский покинул Неплюева и пустился в странствование по «святым местам», был на Афоне, в Иерусалиме, на Синае. В 1740 г. он вернулся в Константинополь и представил резиденту Вешнякову «преизрядные аттестаты от патриархов и их наместников доброго его жития», и за это ему была «аккордована амнистия, и к церкви святой определен» [из реляции А. И. Румянцева (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1741, д. 12, л. 460)].

Из донесения Вешнякова от 31 августа 1742 г. известно, что неожиданно для всех Политический 8 августа «потурчился», т. е. отрекся от христианской религии и принял мусульманство (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 5, л. 660). Однако уже 6 октября Вешняков донес: Политанский вскоре заявил туркам, что он свой поступок совершил в состоянии безумия и остается христианином; за это турки, «видя, что он не поколебим и на лжепророка их хулу возлагает, то сего утра пред салтанским двором голову отсекли» (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 6, л. 154 об., 155).

[34] «Странствования Василья Григоровича-Барскаго по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Изданы Православным Палестинским обществом по подлинной рукописи под редакциею Николая Барсукова», ч. II, СПб., 1886, стр. 359—360 (далее — «Странствования»).

[35] Там же, стр. 367.

ся на Афон, где посвятил время изучению монастырей и архивов, и первым познакомил ученый мир с богатством исторических памятников афонских монастырей [36].

О дальнейшей жизни Барского имеются скудные сведения, позволяющие установить лишь, что, прожив более года на Афоне, он вновь побывал на Патмосе, Кипре, в Арте, Афинах и в 1746 г. вернулся в Константинополь. Здесь, вместо умершего Вешнякова, он застал на посту резидента А. И. Неплюева.

Как полагают Рубан и Барсуков, между Неплюевым и Барским произошел конфликт, в результате которого последний произнес какие-то «дерзновенные слова»; Неплюев угрожал под «жестокою стражею» отправить Барского на первом отходящем корабле в Петербург [37].

Покинув Константинополь, Барский направился через Румынию, Болгарию, Молдавию, Валахию и Польшу в Киев. Еще будучи в Бухаресте, где он задержался по болезни, Барский получил приглашение от префекта киево-подольских школ занять место преподавателя греческого языка. 5 сентября 1747 г. Барский приехал в Киев и через месяц после своего возвращения на родину, 7 октября, умер, не успев полностью привести в порядок свои записки.

Об огромном интересе, который в свое время вызывали у читателей записки Барского, свидетельствует тот факт, что они были изданы до 1819 г. шесть раз. Первое издание вышло в 1778 г. [38]. Однако задолго до его выхода записки Барского широко расходились по стране в рукописном виде.

В предисловии к первому изданию, составленному издателем Рубаном, мы читаем: «Тридцать лет уже прошло, как сию книгу, двадцать четыре года пешеходного путешествия содержащую, по кончине сочинителя ее, с превеликою жадностью списывают все те, до коих о ней хотя малейшее дошло сведение. В Малой России и в окружающих оную губерниях нет ни одного знатного места и дома, где бы не было ее списка. Почти во всех Российских семинариях, для епархиальных архивов, по нескольку раз ее переписывали, благочестивые люди из

[36] Ряд биографических данных о Григоровиче-Барском, приведенных в первом издании Рубаном, был ему лично сообщен братом Василия — Иваном Григоровичем-Барским (1713—1785), известным украинским архитектором, творчество которого сыграло значительную роль в развитии украинского барокко второй половины XVIII в.

[37] «Странствования», ч. I, 1885, стр. XXXIV.

[38] «Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, Уроженца Киевскаго, Монаха Антиохийскаго, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке...», СПб., 1778.

духовных и мирских состояний, за великие деньги доставали оную».

Записки Барского издавались и в отдельных извлечениях. Например, еще в 1770 г. в петербургском журнале «Парнасский Щепетильник» был напечатан отрывок из них под названием: «Описание города Солуня».

В 1885 г. Палестинское общество выпустило первую часть «Странствований» Барского, а спустя два года вышел четвертый, последний том. Это издание было выполнено по подлинной рукописи Барского под редакцией Н. П. Барсукова, известного русского археографа, библиографа и историка России.

В дореволюционное время книгам Барского была посвящена в России довольно значительная литература [39]. О записках Барского упоминают словарь Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях», изданный в 1772 г., Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и др. Интересно отметить, что «Странствования» Григоровича-Барского обратили на себя внимание Н. Г. Чернышевского, который в 1855 г. в своей рецензии на книгу А. С. Норова подчеркивал, что из писателей-паломников XVIII в. путевые записки Барского «пользовались нераздельным уважением любознательных и набожных читателей и имели не менее шести изданий».

«Василий Григорович, — пишет Н. Г. Чернышевский, — путешественник наблюдательный и любящий подробно описывать все виденное; потому записки его, особенно первый том (второй почти весь посвящен описанию афонских монастырей, монотонному и довольно утомительному), представляют чтение разнообразное и занимательное... путешествуя по большей части пешком и Христа-ради, он испытавал много приключений, придающих иногда живой драматизм рассказу». Вместе с тем Чернышевский отмечает, что «вся книга по своему характеру принадлежит еще литературе старинной Руси, и даже в прошедшем веке могла быть читаема большинством только по решительному недостатку удовлетворительных сочинений, писанных сообразно развитию вкуса и образованности» [40].

Большие исследования о работе Барского даны А. Гиляревским в статье «Русский паломник Барский» [41] и Н. Барсуковым в его предисловии к седьмому изданию «Странствований», и в книге «Жизнь и труды В. Г. Барского».

---

[39] «Жизнь и труды В. Г. Барскаго. Соч. Николая Барсукова», СПб., 1885, стр. 3, 4.

[40] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1949, стр. 518—520.

[41] «Русский архив», кн. 1, 1881, стр. 58—136.

В советское время деятельность Барского была отмечена в работах М. С. Боднарского [42] и И. Ю. Крачковского [43].

В путевом дневнике Барский записывал почти ежедневно все виденное; его книга — не воспоминания, а живые зарисовки по свежим следам. Барский приводит много ценных географических, этнографических и экономических сведений о посещенных им странах. Его интересуют вопросы торговли и мореплавания. Он рассказывает о национальности, языке, вере людей, с которыми сталкивается, об их обычаях. Уделяя основное внимание описанию монастырей, он в то же время останавливается и на памятниках искусства и старины. Особое внимание он обращает на неизвестные ему явления природы. Так, проходя через Бескиды и впервые увидев горы, покрытые снегом в летнее время, он приписал это «Божьему смотрению».

Барскому много раз приходилось плавать по морю. Приведем описание им своего первого морского путешествия из Италии в Салоники (1725): «видехомь точию небо и воду морскую, и мнится бити, яко вес свет затопе и несть ничтоже, кроме води и неба. Сице от превеликой широти мнится бити... В утрее же, егда возмутишася волни на море и начаша носити и колебати корабл дозела, яко множицею вода вливашеся в корабл, и бист страх велий...» [44]. На пути из Афона в Царьград Барский записывает: «Пловущи убо от Сакиза, одесную оставихомь град прослутий Смирну, многокорабльное пристанище на великой земле Асии, ошую же минухом островь велик, именуемий Митилен, идеже суть два архиерейскии престоли и две крепости градскии, и многие села, и зело земля обфитая, слишится быти, и многоовощная. Таже, паки одесную, минухом в Асии, недалече моря, знаменитий оный град Трое... Таже, паки одесную, минухомь островь немал, именуемий Тенедо, идеже вино рождается зело сладкы, аки мед, нарицаемое Мускатом» [45].

Исключительное внимание уделяет Барский растительному миру; в частности, о Египте и Сирии он пишет:

«Егда же напаятся поля и река (т. е. Нил. — *Б. Д.*) испадеть, тогда сеют пшеницу, риж, боб, сочиво, и прочая... яко всей Аравии от Египта изобиловати, тако-бо много рождается рижа, яко в наших странах жита или пшеници» [46]. Вблизи

---

[42] М. С. Боднарский, *Очерки по истории русского землеведения*, М., 1947, стр. 117, 118.

[43] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 56.

[44] «Странствования», ч. I, стр. 176.

[45] «Странствования», ч. II, стр. 367, 368.

[46] «Странствования», ч. I, стр. 418.

Александрии, отмечает Барский, «идеже ничтоже не рождается, токмо финиковь многое множество» [47].

Дамаск поразил Барского обилием садов, разнообразием в них деревьев, пышной растительностью, которая особенно его удивила, так как вокруг города находились «гори камение, нагие, от севера и от полудни, к востоку поля сухие и безводние и пустиня далече протяжеся...»

Привлекло его внимание водоснабжение и орошение на Востоке. Он подробно описывает устройство водоснабжения в Дамаске, фонтаны, бассейны, где «всяк в своемь дому почерпает воду, и вода здрава и хладна к питию ест» [48].

Барский много рассказывает о торговле, рынках, торговых помещениях. Салоники славятся не своей красотой, пишет он, а тем, что город посещают корабли, привозящие товары из Царьграда, Венеции, Франции, Англии; его также посещают купцы, приходящие из Германии, Болгарии, Сербии, Далмации, Молдавии и Украины, ведущие торговлю разными товарами и особенно пшеницей.

Барский подробно перечисляет номенклатуру товаров, которыми торгует Египет с Индией.

«Египет [т. е. Каир] есть славен множеством купцевь, различними и драгими товары, понеже ест пристанищемь торговцев, от Индии возвращающихся. Египет великие користи имат от Нила реки и от Чермнаго моря, начало убо его совокупляется с окияномь, конец же отстоит от Египта три дни хождения землею, идеже ест пристанище, рекомое Сувез. Възращающеся убо купцы кораблями от Индии чрез окиян, проходят чрез Чермное море и приносят в Сувез, Ливан, Смирну, перец, кинамонь и прочая аромата и корении благоуханная, такожде сосуди драгии фарфорнии и иннии многоценнии вещи: приносят же кафе, иже рождается в Емени, над Чермним морем, яже страна не в власти Турецкой ест, но особно. Та убо вся вещи приносятся чрез море Чермное, даже в Сувез, а оттуда по земле в Египет; от Египта же на Чермное море посилается риж, пшеница, фава, сочиво и вся ядомие вещи, яже тамо оскудни суть» [49].

О Дамаске Барский пишет: «Торжище тамо великое и прекрасное, многи стогни и чини имущое, с врати железними комори от камени здании, и товари различни обретаются всегда, понеже от далекихь и многих стран приходят купци, принося-

[47] Там же, стр. 407.
[48] «Странствования», ч. II, стр. 92, 93.
[49] «Странствования», ч. I, стр. 417, 418.

ще и относящи товари, найпаче же Греки от Филиполя, Цариграда, Трапезунта и прочих градов Анатолии» [50].

Описание Барским посещенных им городов говорит о его большой наблюдательности и любознательности. Приведем несколько выдержек подробного описания Каира, который Барский называет «великий град Египет». «Египет есть град зело ветхий, не зданиемь, но лети, еще бо прежде Рождества Христова и прежде ветхаго закона Моисеомь данного, бист... Ведати же подобает, яко Египеть разделяеться на два именования: Египет именуеться вся страна Египетская и Египет именуеться град... Египет стоит на равном, веселом и добром месте, над рекою славною Нилом, яже великие користи творит в стране той, токмо крепост, то ест замок, на височайшем от града месте... Тамо доми иние от родимаго камене, инние же от плинф сут зданние строением високим и лепотним, много чардаковь и окон имущие, ради прохлаждения, понеже зело тепел и неудоб стерпимь край ест... Улици тамо мало обретаются широки, но все узкие, и домовь строение тесное зело, яко к многим домом вход точию един, идеже обитают пят или шест господаровь вкупе, с женами и детми, едини низу, а другие горе; се же множества ради народа, населшагося тамо, таковая ест теснота... не токмо же вь дни, но и в нощи много людей обретается, понеже тамо вси в единь час никогда же ни усипают, но инии в дни труждаются, иннии в нощи, найпаче вещи к ядению и питию в нощи делают. По стогнахь же кандилы зажженни чрез всю нощ горят, да не преткновенну имуг стезю, ходящии в нощи; тому же и злый человек абие познан и уловлен бивает. Обичай бо есть тамо нощию проходити дозорцем стогни градскии, злочинцов ради, иже егда некоего уловит, аще и малейшее знамение имущаго к злу, абие на стогне, кроме всякого суда в главу усекается; сего ради тамо весь народ с великим страхом и опаством нощию ходять». Барский останавливается на торговом значении Каира и переходит к описанию Нила. «Не малое добро и Нил река творит, яже разливается на всякь год и наполняет, и тогда копают людие рови и напаяют вся поля Египетские от сладости реки, тол бо сладку и здраву воду имат, яко на островахь реки тростие раждается, соку сладок имущое, от него же делают цукор. Кораблецовь и ладий, яже на реце Ниле путешествують, сут многое множество. Египет, аще и под державою ест султана Турецкого, обаче не весма ему покаряется, токмо дан дает ему, и паша, иже обладает Египтом, наставляется от Цариграда. Обаче паша тамо не дол-

[50] «Странствования», ч. II, стр. 96, 97.

го господствует, единь бо другаго низлагает... Хлеб, елей, сир, масло, кафе и вся вещи, яже к пище, на малой цене продаются, вино же и горелка скупо, понеже от Белаго моря приходит, а не тамо делается» [51].

Во время пребывания в Египте в 1727 и 1730 гг. Барский посетил также Розетту и Александрию. В Александрии его внимание привлекла «игла Клеопатры», обелиск, воздвигнутый в Гелиополе в XV в. до н. э. и вывезенный в Александрию во время римского владычества. Барский с исключительной точностью срисовал с этого обелиска большую иероглифическую надпись.

«Рисунок Барского, являющийся одним из первых воспроизведений александрийского обелиска, поражает тщательностью, с какой русский путешественник, художник-самоучка выполнил свою задачу. Не пропущен почти ни один иероглиф: контуры многих знаков переданы настолько точно, что для египтолога не представляет никакого труда прочитать их. Для начала XVIII в., когда в Европе не только не умели читать египетские письмена, но даже не было достаточных воспроизведений египетских иероглифических надписей, рисунок В. Г. Барского представляет собой исключительное явление», — пишет И. Г. Лифшиц, автор комментариев к книге «О египетском иероглифическом алфавите» [52].

Барский так же подробно описывает и другие города: Сайду, Триполи, Бейрут, Хаму, Хомс, Александретту, Алеппо, а также развалины Баальбека.

Внимание Барского привлекают и бытовые стороны жизни: одежда, пища; он делает довольно меткие замечания о разных этнографических подробностях. Так, рассказывая об арабах, живущих между Яффой и Иерусалимом, он пишет: «Ни в градехь, ни в весехь не имут своих домовь, но на поли, при пути и окрест мест, в шатрахь обитают, инии же в пещерахь, помежду горами, аки зверие, но недалече от градовь. Ходят же токмо в едних кошулях (рубахах. — *Б. Д.*) жени и дети их, и сандалия на ногах носят, понеже тамо жестоко ест по каменехь ходити, и мужие такожде едини токмо хитони носят, даже за колена; ножной же одежди не носять, и всякь имат нож при поясе велик. Вси же поверху кошуль носят ризи одинакие, пестрие, от килима простаго сошвенние, от них обикоша купци мехи шити на товари. Ни сеют же, ни орут, ни инний кий труд

[51] «Странствования», ч. I, стр. 412—418, 420.

[52] Ж. Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите*, М., 1950, стр. 225—227.

творят, но от монастирей християнских пищу испрошают и многу имь обиду творят. Пища ихь повседневная — хлебь и елей, вина же, ни иннаго пития не вкушают, а елей сице любят, яко хлеб омочающе в него ядят; аще же им где случится довольно обрести, то ложицами ядят и пиют аки воду»[53].

Барский отметил, что на пути в Иерусалим и Яффу виноградных лоз мало, «понеже Арапи природне вина не обикоша пити и ни иннаго хмельнаго пития, тако богатии, якоже и убогии, токмо воду едину». Из этого Барский сделал неожиданный вывод: «того ради и лицем неблагообразни сут, но черни, сухи, зверовидни»[54]. К вопросу о том, что арабы не пьют вина, Барский возвращается не раз. Он явно негодует на арабов за это. Говоря о причинах слабого развития виноградарства вблизи Рамле, он пишет: «...лозие же не обретается, ни вино, понеже Ефиопи зело ленивь и развращень народь, и сам не пиет вина и пити хотящим не плодородить»[55].

Почти всегда Барский отмечает национальный и религиозный состав населения посещенных им мест: «В Египте (т. е. Каире. — *Б. Д.*) обретаются людие различнаго рода, различной вери и различнаго языка, яко то: Турки и Арави, аще и единоя вери сут, такожде Греки и Арави православнии христиане... обретаются еще в Египте Римляне... Обретаютжеся в Египте Енглези и консул их. Сут паки Армен множество... Обретаются еще некие христиане еретики, именуеми Копти... и тихь суть множество в Египте... Обретаютжеся тамо и Жидовь много... Многое же множество Турков странних от Константинополя, Анатолии и от иннихь великих градовь и острововь морских обретаются тамо; но Аравовь без числа суть, тамо бо ихь род и отечество ест»[56].

Барскому было чуждо отрицательное отношение к людям иных национальностей, но он часто проявлял религиозную нетерпимость, особенно в отношении мусульман.

В 1743 г., как указывалось выше, Барский был вызван в Константинополь русским резидентом Вешняковым. Он прибыл туда в конце декабря того же года, в свите резидента побывал на приеме у великого везира и подробно описал эту красочную церемонию[57].

Подводя итог, можно сказать, что записки Василия Григоровича-Барского являлись источником многочисленных правди-

[53] «Странствования», ч. I, стр. 299.
[54] Там же, стр. 281.
[55] Там же, стр. 288.
[56] Там же, стр. 415—417.
[57] «Странствования», ч. II, стр. 371—373.

вых и разнообразных сведений для его современников. Они свидетельствуют о большом интересе, который проявлялся к Ближнему Востоку в России в первой половине XVIII в. Сам Барский вырисовывается перед нами как наблюдательный человек, интересующийся жизнью восточных стран.

Ко второй четверти XVIII в. относится путешествие в Палестину инока Матронинского монастыря Киевской губернии Серапиона. Путь его пролегал через Борисполь, Золотоношу, Чигирин до Сечи Запорожской, «куда много караблей с вином приходят». Оттуда на корабле Серапион направился в Очаков и Константинополь.

После высадки на берег Серапион и его спутники были арестованы турецкими властями, но через три дня освобождены по требованию А. И. Неплюева. Посетив достопримечательности и «святые места» Константинополя, Серапион направился на Афон и оттуда в Смирну.

«И град Смирна, — писал Серапион, — превосходит красотою и величиною многие города и мало не сравнится к самому преславному Царюграду, бо такого города, сколько я ходил, кроме Царяграда не видел; еще мне он показался и от самого Царяграда краснейший, только что мало меньший. Туда всегда премного кораблей великих купеческих приходит отовсюду; в сем городе фиг, родзинок и вина предоброго довольство. Оттуда и в Царьград и в протчие города и нации отходят кораблями».

Посетив Хиос, Серапион отмечает, что «он и протягивается наипаче садами, лимониями, португалами, померанцами и протчими древьями, меж коих древьев, як посмотришь, превелике всюду проделаны каменные и высокие палати...» [58]

Описания путешествий русских людей в XVIII в. на Ближний Восток — ценный вклад в историю его изучения.

Дипломатические документы — реляции русских резидентов в Константинополе — как источник изучения Ближнего Востока. Как уже указывалось, важнейшим источником для изучения внутриполитической истории и внешней политики стран Ближнего Востока являются дипломатические документы, донесения русских дипломатов.

Эти реляции и многочисленные приложения к ним обычно представляли собой секретные зашифрованные документы (ци-

[58] См.: «Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона, 1749 года» («Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских», кн. 3, 1873, отд. «Смесь»), стр. 78 и далее.